

И вот, после пятнадцати-примерно-летне-го пропуска я повез в Эстонию своих юную жену и не менее юного сына. Переполненный романтическими воспоминаниями, я во-дил их по всем известным туристическим местам и беспрерывно «щелкал». Простите, что повторяю некоторые мысли из «Темы» текущего номера, но я всегда и прекрасно отдавал себе отчет в том, что, приехав в ка-кое-нибудь знаменитое место, довольно бес-смысленно делать «открыточные» кадры: они уже сделаны до меня и, скорее всего, много лучше, ибо фотографы, которые де-лали их по заказу, располагали и большим временем, и специальной, часто не порта-тивной аппаратурой. Сделаны, отпечатаны на открытках и в альбомах большими тира-жами — и вот, оглянись только, можно лю-бой из них незадорого купить. Конечно, всегда остаются шансы даже в «открытке» сделать что-то уникальное, ибо уникален каждый миг, каждое сочетание света и плот-ности воздуха, но шансы эти все равно близки к нулю, а уникальность может ока-заться незаметной даже самому автору. И я всякий раз пытаюсь бить себя по рукам, уви-дев очередной «открыточный» сюжет, не на-жимать на спусковую кнопку, однако чело-век слаб, и лично мне удается это очень и очень не всегда.

Итак, получив от редактора собственный кадр-задание, я открыл эстонский альбом и обнаружил его в плотном окружении «от-крыток»: византийского стиля, вываливаю-щийся из средневеково-европейского окру-жения русский собор Александра Невского, интерьер Домского собора с органом, узень-кая улочка, отчасти — выкрашенная, отчас-ти — по-прежнему, по-советски, облупив-шаяся, крыши старого города с Тоомпеа (Вышгорода), башенка ратуши со Старым Томасом в качестве флюгера на фоне мод-ных небоскребов, появившихся в Таллине за

время моего там отсутствия... Чуть даль-ше шел снимок современного граффити со сло-вечком «СССР» — свидетельство полити-ческих брожений, в остальном в Таллине 2002-го года практически незаметных, и снова — узкие улочки, башенки, черепичные крыши... То есть снимок, выбранный Иго-рем, и впрямь не имел практически никакого отношения к тем, что окружали его, то есть — ни к туризму, ни к политике. А к чему же тогда? Наверное, что называется, к чистому искусству. И я подумал, что это полбеда, что не удастся остановить руку при виде «открытки», — беда, когда только эти от-крытки и вызывают желание нажать на спуск. Когда же параллельно с «открыточным» зрением, которое истребляет в себе до конца способны только немногие, сильные духом фотографы, — остается и видение линий, плоскостей, цветовых сочетаний, в общем виде — игры света, — потеряны еще не все.

Может быть, даже чисто сюжетно, в этом снимке отражено больше Таллина 2002-го года, чем во всех окружающих его «открыт-ках» и «плакатах»: и короткая надпись на не вдруг понятном знаке, и облупившаяся со старой кирпичной кладки штукатурка внизу, рядом с кустами сорной травы, и зеленая сетка ремонта (обновления?), и, наконец, ко-ваная консоль со стилизованным фонарем, в котором, в отличие от подобных питер-ских, не выбито ни одного стекла.

В чисто же изобразительном смысле ключ здесь — плоскость. Грязно-бежевая плос-кость, составленная воедино из двух, нахо-дящихся на разном расстоянии от объекти-ва, но, в силу колористической однороднос-ти, невзирая на разницу фактур, остающая-ся цельной. Плоскость, перерезанная вдоль серовато-зеленой полосой (плоскостью!) умеренной ширины (она перерезает, но и склеивает две плоскости в одну, за счет сво-его цвета иллюзорно выдвигаясь ближе пе-

реднего плана, хоть этой иллюзии изо всех сил и противоречит фонарь!), которая созда-вала бы несколько, возможно, унылое ощу-щение, если б не красно-белые ленты ог-раждения, рифмующиеся с узенькой, непол-ной полоской красного кирпича. Темно-зеле-ная диагональ, создаваемая ветками старо-го дерева и кустами сорной травы, пересе-кающая светло-серовато-зеленую сетку, ко-торая, конечно, ничего, кроме гладкой сте-ны, за собой не скрывает. Но вдруг?

Если угодно — концепция фрески. Кото-рой жить больше нигде, как на стене.

А плоскость — это всегда самоограниче-ние, запрет невообразимых возможностей глубины (в том числе — глубины резкости). И если удастся построить, что называется, «храм на острие иглы» (это я не о своем снимке, а о принципе) — победа одержана двойная, если не в квадрате! Плоскость — при сотне возможностей ее разрушить, от которых ты намеренно отказываешься, — это всегда и загадка, и парадокс.

Что же касается фотографических дета-лей — они тут почти ни при чем. Штатный встроенный объектив Olympus'a E20 на среднем фокусе, 100 единиц ISO. Может быть, единственная техническая деталь: уда-лось выставить диафрагму так, чтобы, с од-ной стороны, дальняя часть плоскости была чуть (важно, это «чуть») размыта по сравне-нию с ближней, с другой — чтобы эта нерав-ная резкость не разбивала цельность одно-тональной плоскости.

А чтобы не только словами, но и графиче-ски прояснить мысли первой части этой моей колонки, про «открытки», я буду просить Иго-ря, чтобы он сверстал внизу всю строчку мое-го эстонского альбома как бы для иллюстра-ции великих ахматовских стихов:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

Евгений КОЗЛОВСКИЙ

